

Ричард Коље

ДУЧЕ!

ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ

БЕНИТО МУССОЛИНИ

Ричард Колъе

**Дуче! Взлет и падение
Бенито Муссолини**

«Центрполиграф»

Колье Р.

Дуче! Взлет и падение Бенито Муссолини / Р. Колье —
«Центрполиграф»,

Книга Ричарда Колье повествует о жизни одной из мрачных фигур в истории – итальянского фюрера, установившего фашистскую диктатуру в стране. Бенито Муссолини – верный соратник Гитлера – был отвергнут своим народом. Попытка Гитлера спасти Муссолини при помощи своего сподвижника Скорцени в конечном итоге закончилась неудачей. Бенито Муссолини был повешен вверх ногами на площади Лорето у себя на родине.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Ричард Колье

Дуче

Взлет и падение Бенито Муссолини

Посвящается итальянцам и итальянкам, пережившим те времена

То, что я значу для Германии, вы, дуче, значите для Италии. Но как оценят нас в Европе, вынесут решение только потомки.
Адольф Гитлер 28 февраля 1943 года

Как нам следует поступать после перенесенных страданий и борьбы, пролитых слез и мук, потоков крови и ненависти, после полнейшей безнадежности?
Игнацио Силоне. «Фонтамара»

Глава 1

«Рим или смерть!»

27 – 30 октября 1922 года

Ночь казалась неподходящей для совершения революции. В 6 часов вечера пошел дождь, сопровождаемый резкими порывами ветра, нагонявшими волну на Тирренском озере. Люди в черных фуражках, долгое время раболепствовавшие перед господами и собравшиеся теперь на штурм, промокли насквозь. За холмами, окружавшими Рим, собралось около сорока тысяч человек, ожидавших в эту октябрьскую ночь 1922 года падения города.

Весь день армия чернорубашечников, ударный отряд итальянской фашистской партии, насчитывавшей 300 000 членов, готовилась к совершению марша на Рим. От Больцано в Доломитах до Палермо на Сицилии, расположенных друг от друга на расстоянии более двух тысяч километров, собирались когорты чернорубашечников, влекомые магическим словом «Рим», подъезжавшие к пунктам сбора на автомашинах, тракторах и скрипучих конных повозках. Они устраивали бивуаки у печей для обжига кирпича, располагались в виноградниках и на виллах, в амбарах, хлевах и винных погребах.

Прошло всего три года с тех пор, как сто человек, собравшихся на базарной площади Сан-Сеполькро в Милане, объявили о создании фашистской партии, целью которой, столь же пиратской, как череп и две скрещенные кости на ее знаменах, было сокрушение социалистических и коммунистических оппонентов и взятие силой власти в стране в свои руки.

В общих чертах план их был несложен. В Тиволи, в сорока километрах от Рима, более четырех тысяч фашистов заняли виллу Д'Эсте, расположенную в садах, заложенных еще в шестнадцатом веке, откуда контролировались источники обеспечения города водой и электроэнергией. В Монтеротондо, в тридцати километрах северо-восточнее города, тринадцать тысяч чернорубашечников были готовы к захвату важнейшей железнодорожной линии. Западнее, в Чивитавеккье, старом порту Рима, чернорубашечники из Пизы, Лукки и Каррары были нацелены на железнодорожную линию, идущую вдоль всего побережья. Капуя, узловой пункт дорог, идущих на юг, контролировалась чернорубашечниками из Неаполя.

На рассвете 28 октября чернорубашечники в сотнях городов страны должны были быть готовы к быстрому и бесшумному занятию почтамтов, префектур, железнодорожных станций и армейских казарм. В течение нескольких часов фашисты планировали окружить вечный город и установить контроль над всей Италией.

Однако армия эта была вооружена плохо, не хватало оружия и продовольствия. Взять хотя бы роту из Монтеротондо, в которой на 130 человек было всего два пулемета и семьдесят охотничьих ружей. В четырех колоннах, двигавшихся на Рим, не было ни одного орудия, а ведь численность гарнизона города была не менее 30 000 солдат.

Командир колонны из Монтеротондо двадцатилетний Улисс Иглиори, авиатор Первой мировой войны, так записал в своем дневнике: «У меня нет даже лиры, чтобы заплатить за наем автомашины... Наши люди не ели ничего со вчерашнего дня».

Дино Перроне, бывший кавалерийский офицер, также принимавший участие в марше, отмечал: «Нужда у нас во всем: нет воды, продуктов, денег. Нельзя даже связаться с руководством в Перудже».

Получив распоряжение возглавить колонну, он двинулся ускоренным маршем к Риму, преодолев расстояние двести пятьдесят километров по раскисшим от дождя дорогам за девять часов. За все это время он не имел никаких контактов с командирами других колонн.

В темноте, холоде и сырости сорок тысяч человек терпеливо ожидали решения своих лидеров на дальнейшие действия, а также поступления оружия и подхода подкреплений.

В Феррари, почти в трехстах километрах севернее Рима, дождь прекратился. Задача двадцатичетырехлетнего Карло Гольдони состояла в поисках оружия, боеприпасов и транспорта. Ветеран фашистского движения, зарабатывавший себе на жизнь журналистикой, будучи не связанным ни с какой редакцией, он ходил теперь в черной рубашке и каске на голове. За три кровавых года, прошедшие с момента создания в Феррари местного комитета фашистской партии, тридцать два его товарища погибли в столкновениях с полицией и соперничающими с фашистами социалистами и коммунистами.

За два дня до революции он с тремя товарищами проник в два часа ночи в местный кавалерийский музей, пригрозив его сторожу, и осмотрел выставочные залы в поисках оружия, которое оказалось в большей своей части допотопным. В качестве трофеев он прихватил три пулемета с двадцатью патронными лентами.

Начальник Гольдони – Итало Бальбо («железная борода»), бывший офицер, носивший красную бородку, которому было двадцать шесть лет и который являлся одним из четырех шеф-организаторов марша на Рим, считавших, что революция потребует крови, – был недоволен его успехами и приказал:

– Надо найти больше оружия. Мы сдадимся только тогда, когда будет израсходован последний патрон.

Поэтому Гольдони следующей же ночью с двумя товарищами совершил рейд в казарму 28-го пехотного полка, проникнув на ее территорию через высокий забор встав друг другу на плечи. Взломав замок оружейной комнаты, они похитили двадцать винтовок и шесть револьверов.

– Если даже сорок из ста человек будут вооружены, все равно это будет показателем силы, – прокомментировал его успехи взводный командир.

Гольдони продолжил свои действия.

В одиннадцать часов вечера у входа в здание железнодорожной станции он увидел при свете газовых фонарей человека, которого ожидал, – доктора Капуто, начальника железнодорожной полиции, своего старого знакомого. Дав знак своим товарищам, он вышел из тени и пошел навстречу тому.

– Гольдони?! – удивленно воскликнул полицейский. – Что привело вас сюда в это время?

– Я решил нанести вам визит, – ответил Гольдони и, как профессионал, ткнул ему в бок свой револьвер. – Не делайте глупостей и отдайте мне свое оружие.

– Да вы с ума сошли, – обескураженно и возмущенно сказал Капуто.

– Это не ваше дело. Тут рядом мои люди. Так что отдавайте револьвер и скажите своим полицейским сделать то же самое.

В подтверждение его слов из темноты появилось несколько чернорубашечников. Капуто и семеро полицейских были разоружены без сопротивления.

Не дожидаясь приказа на начало решительных действий, он с товарищами решил в ту же ночь занять узловую железнодорожную станцию. Когда скорый поезд ДД-49 Триест – Рим в 1.08 28 октября прибыл на станцию, его пассажиров ожидал неприятный сюрприз. Не успел поезд остановиться, как фашисты оказались в вагонах и, угрожая оружием, заставили всех ехавших в нем выйти на платформу. При этом было отобрано тридцать охотничьих ружей и винтовок. Часть подбежавших чернорубашечников стала заниматься буфетами, забирая из них печенье, сосиски и минеральную воду. Другие в это время начали устанавливать пулеметы – один в хвостовом багажном вагоне, второй – в одном из средних вагонов. Третий пулемет Гольдони лично установил на боковой платформе локомотива. Машинист и его помощник отреагировали на это аплодисментами.

– Нам как раз нужен поезд на Рим, – заявил Гольдони, – не пойдем же мы пешком.

Следует отметить, что 11 000 железнодорожников в ту ночь по всей Италии помогали фашистам, поскольку сами состояли в их партии, в захвате своих же поездов.

В 2 часа ночи раздался паровозный гудок, и поезд со 120 феррарскими фашистами отправился в путь. До Болоньи Гольдони решил немного отдохнуть, так как там надо было рассадить по вагонам 400 местных чернорубашечников.

Получив депешу генерального директора общественной безопасности около 9 часов вечера 27 октября, майор Арнальдо Ацци – представитель 16-й пехотной дивизии на железнодорожной станции Чивитавеккья – вскрыл толстый конверт, опечатанный сургучной печатью, полученный им недавно от командующего римским гарнизоном генерала Эммануила Пуглизе.

При свете керосиновой лампы майор стал изучать содержащийся в нем меморандум. В нем имелось восемь пунктов, но в первом же было сказано: «В случае попытки прибытия фашистов в столицу на поездах вам следует воспрепятствовать этому всеми средствами, за исключением применения оружия... Общее число их в одном поезде не должно превышать триста человек.

Если же их окажется больше, поезд необходимо остановить любыми способами, вплоть до использования силы...»

Король Виктор-Эммануил III ударил сжатым кулаком правой руки о ладонь левой, что было явным признаком его недовольства или расстройства. Нервно расхаживая по своему увешанному гобеленами кабинету во дворце Квиринале постройки шестнадцатого века, он в 9 часов вечера 27 октября был озабочен будущим своего трона, как, впрочем, и другие европейские монархи.

С расстроенным лицом, покусывая свои негустые усы, король с неудовольствием смотрел на человека, нарушившего его внутренний покой, – шестидесятитрехлетнего председателя государственного совета Луиджи Факту.

В шесть часов утра король собирался выехать на охоту в свое имение Сан-Россоре, расположенное в четырехстах километрах от Рима, когда получил закодированное сообщение от Факты. Король сразу же потерял всякий интерес к охоте, поскольку в депеше говорилось, что «в целях стабилизации обстановки» необходимо его личное присутствие в столице. При встрече с Фактой вечером он сказал ему резко:

– Мы должны немедленно поговорить обо всем, чтобы я мог разобраться в ситуации.

А им действительно было о чем поговорить, поскольку Факта намеревался предложить ввести во всем королевстве чрезвычайное положение перед лицом угрозы фашистского государственного переворота.

И он уже начал осуществлять свое решение, так как на площади Пилотта неподалеку от дворца был виден отряд кавалеристов в количестве двухсот человек на белых конях и целый ряд пулеметов, установленных на грузовиках. Сам дворец был обнесен колючей проволокой, которая была натянута у пятнадцати городских ворот и семнадцати мостов через Тибр. Хотя порывы ветра и доносили звуки сигнальных горнов и грохот броневиков, городские улицы были пусты. Генерал Пуглизе ввел с девяти часов вечера комендантский час и запретил движение частного автотранспорта и даже трамваев.

За двадцать два года своего правления король принял присягу двадцати премьер-министров и никого не презирал больше, чем бюрократа и формалиста Факту. О биографии адвоката из Пьемонта, бывшего в течение тридцати лет депутатом различного уровня, почти нечего было сказать газетному репортеру, не слышавшему ранее его имени, при назначении Факты премьер-министром. Хорошо знали его только в римском кафе «Арагно», где он ежедневно заказывал в полдень яичницу-болтуню. Его пушистые белые усы любили карикатурно изображать фашисты цветными мелками на крышках столов этого же кафе. Коллеги-депутаты назы-

вали его в своем кругу «председателем, лелеющим несбыточную надежду», за его абсолютно беспочвенный оптимизм.

В течение восьми месяцев своего нахождения у власти он вынашивал свою основную идею: чернорубашечники блефуют. О планируемом ими «марше на Рим» он узнал еще три недели тому назад, когда фашисты создали нелегально собственную милицию.

– У меня в Риме – войска и артиллерия, – заявил он своим министрам и, показав план фортификационных сооружений города, добавил: – Я приказал хорошо почистить и смазать орудия.

Хотя генерал Пуглизе еще месяц назад предложил свой план контрмер, опасаясь попытки государственного переворота, премьер-министр даже не ознакомился с ним. Было проигнорировано и заявление сорокасемилетнего генерала Пьетро Бадолио, начальника штаба армии:

– Достаточно пяти минут ружейного огня, чтобы разогнать этот сброд!

За двадцать четыре часа до встречи с королем Факта и его кабинет, наконец-то осознавшие опасность положения, приняли решение о подаче в отставку. Взывая к депутатам сделать решительный шаг, Факта разрыдался и заявил:

– Вам нужны решительные шаги? Хорошо, я размозжу себе голову.

Его руки дрожали, щеки подергивались от тика. Невысокого же роста король напомнил ему о долге:

– Я не буду формировать новое правительство, пока в Италии происходят беспорядки. Я не хочу и не могу. И сейчас же оставляю все дела и уеду в деревню с женой и сыном.

Король не любил ответственности, как и многое другое в жизни, но сейчас тысячелетний дом Савойев, который был для него превыше всего, находился в опасности. Во дворце ходили легенды о том, чего не любил монарх-лилипут, прозванный «маленьким мечом». У него была привычка надевать сильно поношенную разнокалиберную военную форму, тогда как на его счету в лондонском банке «Хамбро» находилась весьма приличная сумма в полтора миллиона фунтов стерлингов. Будучи ростом около ста пятидесяти сантиметров, он в детстве ложился спать с грузом, привязанным к ногам, чтобы хоть немного вытянуться. Он был предметом насмешек всех европейских карикатуристов, один из которых изобразил посетителя, низко склонившегося перед ним с треуголкой в руке. Теперь, в пятидесятипятилетнем возрасте, он испытывал любовь только к трем вещам – своей величавой жене Елене, бесценной коллекции монет, хранящихся в шестидесяти шкафах, и своему трону.

Король не любил фашистов. По его требованию сотни офицеров, посещавших их партийные митинги в военной форме, были уволены из армии или переведены в другие гарнизоны. Не далее как 7 октября он сказал военному министру:

– Я не хочу, чтобы такие люди находились в Риме. Примите меры для избегания опасности.

Однако одно из недавних событий выбило его несколько из колеи: фашисты проявили уважение к монархии.

23 августа в их газетах проскользнуло скрытное предупреждение: «Корона останется в неприкосновенности, пока не станет вмешиваться в наши дела».

20 сентября был даже сделан намек на лояльность: «Мы должны набраться мужества, чтобы быть монархистами».

И такое мужество было проявлено 24 октября на неапольском конгрессе, на котором было принято решение о марше на Рим: собравшиеся стоя приветствовали упоминание имени короля.

Контраст по сравнению с поведением республикански настроенных социалистов был очевиден. Король не мог забыть дня 1 декабря 1919 года, дня открытия заседания первого парламента после окончания войны. Когда он тогда вошел в помещение, где собралась палата депутатов Рима, сто пятьдесят шесть социалистов, входивших в ее состав, повскакали с мест с

криками: «Долой его!» Затем, приколов в отвороты пиджаков красные гвоздики, символ социализма, они покинули зал с песней «Красный стяг».

А тут еще одно осложнение совсем запутало короля – соперничество кузена, пятидесятирехлетнего Эммануила-Филиберто, герцога Аосты, бывшего командующего 3-й итальянской армией, отца Амадео II, будущего командующего итальянскими войсками в Восточной Африке. Месяц тому назад герцог проводил смотр фашистских сил в Мерано при исполнении оркестром гимна чернорубашечников, а вчера его видели в Бевагно, неподалеку от Перуджи, где он встречался с фашистским руководством. При этом он угрожал, что в случае необходимости обратится к армии с призывом о свержении короля, а это было бы шагом к развязыванию гражданской войны.

Король считал, что лояльность к нему армии можно не подвергать сомнению, несмотря на ее близость к бывшим солдатам в рядах чернорубашечников, однако возможный скандал мог бы сказаться отрицательно на престиже монархии в глазах всего мира. И все же он решил выслушать мнение главнокомандующего армией генерала Армандо Диациа, запросив его:

– Как поступит армия?

– Ваше величество, армия выполнит свой долг, но лучше не подвергать ее этому испытанию, – отрезвляюще ответил генерал.

Король понимал, о чем думал хитрый генерал. Ему было известно, что тот, ужиная на балконе префектуры Флоренции в тот же день, тепло приветствовал демонстрацию фашистов. Более того, девять вышедших в отставку генералов, не потерявших своего эмоционального влияния на армию, играли ключевую роль в разработке стратегии фашистского марша на Рим.

Девятью днями раньше один из них, генерал Эмилио де Боно, вместе с еще одним организатором марша, Цезарем Марией де Веччи, встретились с женщиной, которую король побаивался, – его матерью, непреклонной голубоглазой королевой Маргеритой. В гостиницу «Парк-отель», где остановились четверо фашистских лидеров для обсуждения вопроса о разделении Италии на двенадцать командных зон, пришло ее приглашение на обед на ее вилле. И королева-мать не стала скрывать своих симпатий. Когда, отобедав, они собрались уезжать, королева сказала:

– Желаю всяческих успехов в вашем предприятии! Я знаю, что ваши планы преследуют единственную цель – безопасность и процветание нашей страны.

С того дня она не переставала указывать сыну, в чем заключался его долг.

– Положение дел, – произнес король задумчиво, разрешив Факте уйти, – заслуживает самого серьезного внимания. Переговорим снова завтра.

Аудиенция продолжалась двадцать минут, но король так и не решил, что ему делать, из-за неясности собственных интересов. Смогут ли фашисты обеспечить безопасность короля и страны или же выиграет монархия, объявив чрезвычайное положение?

Генералу Амброджио Клериси не оставалось ничего другого, как самому пойти выполнять поручение. В 2 часа ночи в субботу 28 октября в длинных коридорах дворца, покрытых серой ковровой дорожкой, стояла мертвая тишина – даже посыльные короля разошлись по домам. Несколько минут тому назад сын короля был разбужен телефонным звонком премьер-министра Луиджи Факты. Ему во что бы то ни стало было необходимо переговорить с шефом Клериси генералом Артуро Читтадини, но тот не отвечал.

Поспешая по пустынным коридорам, Клериси вдруг остановился, заметив полоску света, пробивавшуюся под дверью покоев Читтадини. Войдя в комнату, он увидел старенького генерала, мирно уткнувшегося в какую-то книгу.

Клериси вкратце доложил сложившуюся ситуацию. Поскольку король не назначил другого премьер-министра, Факта, оставаясь у власти, проводил ночное заседание кабинета мини-

стров. В течение часа они выслушивали резкую критику генерала Эммануила Пуглизе, требовавшего «письменных распоряжений».

Пуглизе подчеркнул, что около 26 000 фашистов удерживаются на железнодорожных линиях севернее города всего 400 карабинерами.

– Дайте мне право, – яростно говорил он, – и армия восстановит порядок во всей Италии за несколько часов. Фашисты не войдут в Рим!

Нельзя было терять ни минуты: по всей Северной Италии чернорубашечники начали забастовку. В Кремоне, где королевская гвардия открыла по ним огонь, было убито семеро фашистов. Чернорубашечники Ровиго заняли правительственные типографии, намереваясь не допустить объявления чрезвычайного положения в прессе. В Перудже, Флоренции и еще шести городах они удерживали коммунальные учреждения – водопроводные сооружения, почту, телеграф, телефон.

Но Факта и его кабинет ожидали указаний, так как, судя по сообщениям из различных городов, например Сиены, в армейских казармах шла добровольная раздача оружия и боеприпасов фашистам.

Вдруг Клериси прервал свое сообщение, заметив, что телефонная трубка лежала снятой с рычагов. Однако когда он попытался ее поправить, начальник остановил его:

– Оставьте все как есть и сообщите Факте, что меня не нашли.

– Но, извините меня, правильно ли это? Читтадини ответил невозмутимо:

– Это – распоряжение его величества. Он желает, чтобы правительство занималось своим делом – но не возлагало ответственность за свои действия на него.

Король читал телеграмму со все возрастающим недовольством. За высокими окнами его кабинета было еще темно, дождь продолжал омыwać пальмы в дворцовом саду. Часы из золоченой бронзы, стоявшие на камине, показывали восемь часов утра. Прошло шесть часов с тех пор, как Факта пытался связаться с генералом Читтадини.

Телеграмма была получена десять минут назад. Из нее было ясно, как проходило ночное заседание кабинета министров. От имени председателя государственного совета и министра внутренних дел она была адресована всем командирам воинских частей: «№ 288/59: Кабинет министров принял решение о введении во всех провинциях королевства чрезвычайного положения с полудня сего дня. Декрет об этом будет опубликован немедленно. Примите все меры по поддержанию общественного порядка и обеспечению безопасности граждан и имущества».

– Вы явно проигнорировали конституционное право, – резко сказал король премьеру, – отдав распоряжение военным, не проконсультировавшись со мной.

Пробормотав извинение, Факта подумал о прошедшей ночи, самой длинной и напряженной в его жизни. До трех часов обсуждался проект декларации о введении чрезвычайного положения, который он сейчас представил королю. В течение пяти часов он терпеливо дождался вызова короля, но такового не последовало. Только настоятельные требования министров заставили его пойти на такой шаг.

Ему было известно, что войска на железных дорогах в Орте, Чивитавеккье и других узловых станциях находились на расстоянии около ста пятидесяти метров от остановленных ими поездов с фашистами. Что произойдет дальше, неизвестно.

Факта попытался объяснить причину появления проекта декларации:

– В различных провинциях Италии проходят несанкционированные демонстрации... которые могут ввергнуть страну в хаос... Граждане должны сохранять спокойствие и доверять предпринимаемым полицейским мерам...

К изумлению Факты король не только не достал свою авторучку, но, сказав что-то непонятное для него, сунул декрет в ящик письменного стола. Все его сомнения и колебания, видимо, закончились. Слухи о том, что почти семьдесят тысяч фашистов готовы к штурму

города, если возникнет такая необходимость, вызывали беспокойство. К тому же чернорубашечники Корсо-Умберто в самом Риме размахивали трехцветными флагами, выкрикивая: «Да здравствует король!», демонстрируя ему свою лояльность.

– Премьер, – сказал он сухо Факте, – единственной причиной для объявления чрезвычайного положения является гражданская война. И призывать к ней означает, что один из нас должен пожертвовать собой.

Впервые за всю свою карьеру слабовольный и добродушный Факта решился на иронический ответ с ничего не выражавшим лицом:

– Нет никакой необходимости, ваше величество, уточнять, кто из нас должен это сделать.

Девятилетний Джорджио Ботелли чувствовал себя покинутым. Странные люди, расположившиеся три дня назад в гостинице его деда под названием «Бруфани-Палас» в Перудже, исчезли так же неожиданно, как появились. Ему казалось, что такой жизни, как в те дни, больше никогда уже не будет.

Обычно это старое здание из красного кирпича, расположенное на высоте более пятисот метров над долиной реки Аззизи, было излюбленным местом для английских туристов, которых вполне устраивали слегка затемненные комнаты, пахнувшие льняным семенем, глубокие кожаные кресла и папоротник в латунных горшках. Однако за те три дня, которые провели здесь представители фашистского руководства, в доме многое изменилось. Постовые чернорубашечники, худые и внушавшие страх своими кинжалами, расположились в украшенных колоннами портиках. За вращающимися дверями, откуда портье в свое время вызывал кареты постояльцев или гостей, были установлены пулеметы. Каждое окно было забаррикадировано мешками с песком.

Джорджио не знал, что фашисты избрали Перуджу для размещения своего штаба, исходя из стратегических соображений: в радиусе всего нескольких километров тут находились заводы по производству боеприпасов, фабрики мясных консервов, кондитерских изделий и шоколада. А в случае провала своих планов они могли быстро отойти в долину реки По.

Видя, что лидеры фашистов собрались в библиотеке, мальчик решил, что книги в красных кожаных переплетах и были главной целью их появления. Уже через день он стал узнавать их по внешнему виду: Цезарь Мария де Веччи, Пидмонтес с пышными усами, Мишель Бьянчи – худой и в пенсне, представлявший ему настоящим дипломатом, Итало Бальбо – самый шумный, с постоянно взлохмаченными красными волосами. Пятидесятишестилетний генерал Эмилио де Боно с лысой головой и белой козлиной бородой, бывший командир 9-го армейского корпуса, казался среди них главным, но, как стало потом известно, как раз он-то в числе первых и поддался панике, опасаясь объявления чрезвычайного положения.

– Нас, офицеров, расстреляют непременно, – говорил он чуть ли не всем, с кем встречался.

Напряжение обстановки стало нарастать после полуночи, 27 октября. Фашисты установили пулемет в местной префектуре, а на горе Субасио, в сорока километрах от города, армейские артиллеристы выкатили на боевую позицию тяжелое оружие, нацеленное на старую гостиницу. По другую сторону площади Италии войска расположили пулеметы чуть ли не в каждой двери и окне домов.

Пустые бутылки от шампанского валялись повсюду, пепельницы были до краев наполнены окурками, что было не принято в гостинице, и, по мнению Джорджио, скорее напоминало генеральный штаб перед боем. Связные сновали на мотоциклах, покрытые пылью подобно мельникам. В бильярдной комнате и комнате отдыха на больших столах из красного дерева были разложены карты с расположением фашистских отрядов. Офицеры с озабоченными лицами прибывали на едва ли не разваливающимися автомашинах, докладывали обста-

новку и уезжали, не успев выпить даже глоток воды. Было ясно, что эти люди не бросят оружия до тех пор, пока не добьются власти.

Неожиданно обстановка изменилась. Посыльный доставил телеграмму. Прочитав ее, генерал де Боно произнес запинаясь:

– Кажется, начинается игра со счастливым концом.

Через несколько минут после его краткого разговора с командиром войсковой части армейские подразделения начали отход. Чернорубашечники разразились радостными криками и кинулись обнимать друг друга. Шляпы и фуражки полетели ввысь, зазвенели все городские колокола и колокольчики. Четверо фашистских лидеров произнесли речи с балкона перед собравшимися чернорубашечниками и поспешно, сев в автомашины, уехали.

Когда в гостинице наступила полная тишина, Джорджио на цыпочках прошел в библиотеку. Мальчик хотел посмотреть комнату, в которой его дед заявил о принятии исторического решения, и был разочарован, увидев, что в ней все было по-прежнему. В воздухе еще висел сигарный дым, часы ходили, на камине лежала оставленная в спешке телеграмма.

Джорджио, схватив ее, прочитал: «№ 23870. Сообщаем, что инструкции, предписанные вам в телеграмме № 288/59 в связи с введением чрезвычайного положения, отменяются...»

Снова и снова водитель Итало Бальбо нажимал на грушу сигнала своего автомобиля. Клаксон буквально ревел, но все было напрасно. Несмотря на дождь, дорога была забита людьми, двигавшимися в сторону Рима. Проехать по старому каменному мосту, выводящему на улицы города, где две тысячи лет назад с триумфом встречали императора, было почти невозможно.

Большинство шло пешком, счастливики ехали на машинах, обдавая округу грязной водой из луж. На это никто не обращал внимания, главное было не остаться в хвосте. Все произошло, как и ожидалось: король и правительство пошли на уступку. Ничто теперь не могло отвлечь людей от марша на Рим.

Многие чернорубашечники под холодным проливным дождем терпеливо ожидали по тридцать шесть часов распоряжения о начале марша. Те, кому стало известно об отмене чрезвычайного положения, самостоятельно отправились в путь. Все шли с надеждой, не зная точно, что их ждет впереди.

Люди были голодными, не получив за все это время никакой пищи.

В толпе было несколько тысяч студентов, рассматривавших происходившее как воскресное развлечение, своего рода карнавал. Некоторые из них приехали поездами в вагонах третьего класса, разместившись под деревянными скамьями прямо на полу.

Все были одеты кто в чем. Один парнишка из Ареццы прихватил в спешке голубой дождевик своей матери. Неапольские рыбаки шли в матросских бушлатах, тосканские фермеры – в охотничьих куртках. Некоторые были босиком. Всеобщее внимание привлекал мужчина с развешанными по всей одежде пятьюдесятью значками с серпом и молотом, снятыми, как он хвалился, с мертвых коммунистов.

Таким же эксцентричным было и их оружие: музейные пистолеты, заряжавшиеся с дульной части, допотопные мушкеты, старинные охотничьи ружья, снятые с вооружения еще в 1880 году винтовки.

Почти никто из них не смог бы сделать и одного выстрела. Те, кто не смог найти никакого оружия, прихватили клюшки для гольфа, косы, вилы, колья и даже ножки от столов – все, что оказалось под рукой. Один держал в зубах кинжал, другой жонглировал динамитными пашками. Некто Федерико Антониоли нес ярмо для быков.

Для сотен людей времени для подготовки к походу вообще не было, и они для решения вопроса прихватили кто ножницы для стрижки овец, а кто и серьги своей жены. В Феррари

конторский клерк, услышав о марше, поспешил к своему шефу, на ходу сменив белую рубашку на черную. Когда тот спросил его, долго ли он будет отсутствовать, клерк ответил:

– Откуда я знаю. Ведь происходит революция!

А в Чианциано, неподалеку от Флоренции, некий лейтенант армейской ремонтной службы, не доложив своему начальнику о полученной им команде, чтобы успеть вовремя, остановил поезд, шедший в южном направлении.

Хозяин косметического магазинчика в Феррари, получив назначение на дежурство на центральной железнодорожной станции, вывесил в окошке записку, чтобы поставщики товаров оставляли их в течение ближайших двух дней в будке дежурного зала ожидания первого класса.

Для всех, кто придерживался фашистского кредо, Рим был не только магнитом, но и встречей с историей.

Чернорубашечники, выезжавшие поездом из Грос-сето, прихватили с собой слепого восьмидесятилетнего старика, воевавшего пятьдесят два года назад вместе с Гарибальди. В Монтеротондо Паоло Петруччи, неизлечимо больной туберкулезом, и тот собирался принять участие в марше.

Некоторые люди вообще впервые в своей жизни покидали дом. Кавалеристы Джузеппе Карадонны из Фоггии выехали на конях в плащах и шляпах с перьями. Некий состоятельный молодой человек из Асколи отправился в поход в одиночку, установив пулемет на своем гоночном «фиате».

Воспользовавшись свободным временем, все больше людей на мотоциклах и тракторах, на поездах и автомобилях, размалеванных лозунгами типа: «Наплевать на все – Рим или смерть», спешили разделить триумф. Всех их направлял магнетизм человека, работавшего долгие годы над тем, чтобы эмоции людей смогли выплеснуться в нужное время.

На знаменах и касках, подобно воинственному кличу, было начертано: «Да здравствует Муссолини!»

В зрительном зале миланского театра «Манцони», построенного в стиле барокко с обильной позолотой, свет был приглушен. Освещенными оставались только ложи. Бинокли присутствовавших направлялись на дотоле неизвестный профиль мужчины, сидевшего во второй из них. Тридцатидевятилетний Бенито Муссолини, казалось, намеревался провести остаток вечера со своей женой Рашель и двенадцатилетней дочерью Эддой, и ничто другое его не занимало.

Но вот свет был погашен, и тяжелый занавес раздвинулся. Начинался первый акт оперы Ференца Мольнара «Лебедь». Когда ведущая актриса Лина Паоли стала исполнять арию принцессы Беатрис, Муссолини принял свою обычную позу. Подперев подбородок белыми, почти женственными руками, он устремил свой взор вперед, подобно бульдогу, сидящему в конуре.

Большинство зрителей знало о Муссолини не более тех нескольких строк, что были помещены в его ежедневной газете «Иль Пополо д'Италия», рассчитанной на чернь. До 1912 года в Милане его вообще не знали. Только став заместителем директора по хозяйственной части социалистической газеты «Аванти», он прослыл репортером острым на язык. Мало кто мог предположить, что этот человек, изгнанный из рядов социалистов в 1914 году в связи с вступлением Италии в войну и создавший новую фашистскую партию, набравшую в 1919 году менее жалких пяти тысяч голосов на парламентских выборах, сможет привести страну на грань начала гражданской войны.

Не знали зрители и того, что Муссолини был в этом самом театре на вчерашнем представлении вместе со своей новой любовницей красноволосой Маргеритой Заффарти, художественным критиком газеты «Иль Пополо». Предусмотрительно он сидел в глубине ложи, невидимый для посторонних, пока один из заместителей главного редактора не принес ему сообщение о том, что клермонские фашисты уже начали мятеж. Прочитав сообщение, Муссолини сказал:

– Ну вот и началось. – Затем, возвратив тому бланк депеши, добавил: – Сохрани ее, она может стать историческим документом.

На этот раз план Муссолини был иным. Он решил появиться на публике, чтобы о нем пошли разговоры. Его склонность к интригам достигла критической стадии. Сидя неподвижно, он устремил свой взгляд на освещенную сцену, однако в середине второго акта неожиданно сказал жене и дочери:

– Пора уходить!

Рашель даже не стала возражать. Она привыкла к выходкам Бенито, к тому же опера ей не нравилась. С большим удовольствием она пошла бы пусть даже в пятый раз на оперетку «Герцогиня дю Табарин». Рашель спокойно восприняла и его сообщение, что через несколько дней они возвратятся в свои бывшие апартаменты на третьем этаже дома номер 38 по улице Форо Бонапарте.

Репортеры, собравшиеся в редакции газеты «Иль Пополо», обменялись многозначительными взглядами, когда туда вошел коренастый Муссолини (рост его составлял сто шестьдесят семь с половиной сантиметров). Редактор по международным вопросам Пьеро Парини подумал, что еще несколько дней назад газета не находила сбыта, и главный вход был буквально завален отпечатанными тиражами. В помещение редакции постоянно заходили делегации различных фашистских комитетов, оставляя на сохранность ручные гранаты у Арнальдо, младшего брата Муссолини.

В редакции никто не знал, сколь важна была для него отмена чрезвычайного положения. Мысль о том, что король явно напуган, придавала ему смелость. Буквально через несколько часов после сообщения он направил во дворец одного из своих лидеров Цезаря Марию де Веччи, ревностного монархиста, которого лично знал король.

– Я хочу, чтобы народ Италии знал, что я отказался подписать декрет, вызвавший бы несомненно гражданскую войну, – сказал ему король и добавил: – Думаю, что через неделю об этом будет забыто.

– Ничто не будет забыто, – заверил его де Веччи. – Напомним, если станет необходимо, ваше величество.

В ночь на 27 октября Муссолини был готов занять пост министра без портфеля в новом правительстве. Теперь же он через де Веччи и своего помощника Дино Гранди вел переговоры об отказе от предложенных королем постов шести министров в новом правительстве во главе с бывшим премьером Антонио Саландрой.

Гранди приводил свои доводы:

– Семьдесят процентов итальянцев – с нами. Так что если мы согласимся на предложение и будут проведены выборы, мы все равно придем к власти.

(Гранди был одним из противников совершения марша, считая, что он может привести к гражданской войне.)

– Ты – предатель дела революции, – обвинил его Муссолини. – Мне не нужна уродливая победа.

Кассиру фашистской партии Дживованни Маринелли Муссолини сказал более открыто:

– Я не хочу прийти к власти через вход для прислуги.

Переговоры шли всю ночь. И вот Гранди позвонил из дворца от генерала Читтадини и сообщил триумфальную новость: король собирается поручить Муссолини формирование правительства.

Но сын кузнеца был подозрителен и недоверчив:

– Сказанное звучит как ловушка. Мне надо официальное извещение.

Чтобы сохранить свои разговоры с Римом в секрете, он вел их из кабины для стенографов. От духоты по лицу его и шее стекали капельки пота. Видя это, корреспондент по вопросам

сельского хозяйства Марио Феррагути приоткрыл дверку, чтобы впустить воздух. Муссолини подмигнул ему и сказал:

– Скоро в сельском хозяйстве произойдут большие изменения.

В 3 часа ночи капитан (впоследствии адмирал) князь Констанцо Чиано, герой Первой мировой войны на море и твердый приверженец фашизма, позвонил по телефону и возбужденно сказал:

– Послушайте, Муссолини, каким, по вашему мнению, должен быть текст королевской телеграммы в ваш адрес?

– Не вижу никаких трудностей, – ответил тот покровительственно. – Вполне достаточно, если в ней будет сказано: «Его величество просит вас принять на себя бремя», ну и так далее.

Будущий адмирал переспросил:

– Неофициальное бремя?

Голос Муссолини прозвучал твердо:

– Нет-нет, дорогой Чиано. Здесь должна быть полная ясность. «Бремя по формированию правительства». Вы согласны с такой формулировкой?

Тот поспешил заверить его в своей согласии, добавив, что король «весьма близок» к фашистским идеям и делам.

– Сейчас надо засвидетельствовать королю наше почтение. И не забудьте отдать распоряжение, чтобы все чернорубашечники покинули город, но с полным сознанием, что они вошли в Рим с развевающимися знаменами – как победители.

Чиано опять согласился с мнением Муссолини и попросил его прибыть в Рим по возможности скорее, чтобы «избежать возможных ошибок».

Муссолини остался непреклонным и заявил:

– Я появлюсь там только после получения телеграммы с тем текстом, что я продиктовал вам. Доброй ночи, Чиано.

Через несколько минут Парини увидел, что у двери кабинета Муссолини зажглась красная лампочка, предупреждавшая, чтобы ему не мешали. Оставшись один, Муссолини стал обдумывать свои планы. Он решил принять меры, чтобы усилить вероятность получения обговоренной телеграммы. Когорты фашистов, хотя и плохо вооруженные, являлись мощным фактором оказания действенного влияния на правительство: фашизм обязательно придет к власти в ауре силы и геройства. А его редакционная статья в завтрашней газете, переданная телеграфом в Неаполь, будет, несомненно, перехвачена в Риме и даст королю дополнительную пищу для размышлений.

И он с неистовостью начал размашистым почерком писать на всем, что попадалось под руку, – на обратной стороне конвертов, писем и даже оберточной бумаге: «Победа распространилась по всей стране при почти единодушной поддержке народа, и значение ее не должно быть принижено какими-либо уступками. Мобилизация сил и средств не преследовала своей целью достижение компромисса с Саландрой... Фашизму нужна власть».

В соседней комнате заместитель главного редактора Луиджи Фредди сидел в напряженном ожидании: ночная и в основном обременительная работа только начиналась. Он был единственным человеком в редакции, который мог расшифровывать писанину Муссолини и компоновать текст так, чтобы его можно было прочитать.

В 4 часа утра Муссолини вызвал его к себе и выглядел при этом вполне довольным. В то время когда публика будет читать эти слова, фашисты продемонстрируют деловую сторону достигнутого ими успеха.

В двухстах километрах южнее Милана, в Генуе, небо было покрыто свинцовыми облаками. От резких порывов восточного ветра на водной глади гавани появились белые барашки волн. На площади Корветто журналист Коррадо Марчи с опаской посматривал на небо в

надежде, что дождь еще не начнется. Ему предстояло привлечь к себе внимание трехсот фабричных рабочих, собравшихся у своеобразной трибуны, где он стоял.

В это воскресное утро 29 октября Марчи, член националистической партии – синерубашечников, руководство которой должно было до одиннадцати часов принять решение об объединении с фашистами, имел поручение выступать перед толпой до 10 часов 45 минут, когда все вопросы будут уже обсуждены. Во дворце Монторзоли, построенном в шестнадцатом веке и находившемся напротив, ныне размещалась префектура города. Там все было тихо, но из окон нижнего этажа десятки глаз наблюдали за каждым движением собравшихся.

Ничего подозрительного видно не было, даже лидер местных фашистов Жерардо Бонелли, кивнувший Марчи, был одет, как и все остальные, в гражданскую одежду.

Когда Марчи начал говорить, стали падать первые капли дождя. Подняв воротник своего пиджака, он решительно продолжил свое выступление:

– Товарищи по вере, всегда готовые выступить на защиту короля и страны, великий час восстания народа наступил...

Дождь усилился, капли его падали прямо ему на голову с веток магнолии, под которой он стоял. Марчи продолжал стараться изо всех сил, но слушающие аплодировали вяло.

Площадь была похожей на гигантское колесо, от которого радиально отходило семь улиц, подобно его спицам. Но вот поверх голов толпы он увидел, как на каждой из них показалось по автобусу, которые, въехав на площадь, остановились, перекрыв все подходы к ней. Водители их, выключив двигатели, вышли из кабин. Для генуэзских фашистов час «икс» пробил уже шесть минут назад.

Прикрытые автобусом от глаз посторонних, восемь человек спокойно прошли сквозь вращающиеся двери небольшого кинотеатра «Сивори», примыкавшего сзади к зданию префектуры. Их возглавлял двадцатидвухлетний студент юридического факультета Джузеппе Гонелла. Миновав зрительный зал, они направились к боковой двери, которая вела в префектуру. За ней Гонелла услышал голоса морской стражи, охранявшей префектуру. Тем не менее он стал открывать отверткой дверной замок, прислушиваясь к ожидаемому сигналу.

И вот с площади послышались громкие крики. Триста человек, собравшихся там, оказались фашистами. Повернувшись спинами к оратору, они устремились на штурм тяжелых деревянных дверей префектуры. Гонелла услышал, как вдали раздался треск ломаемых дверей, вскрыл дверь, у которой остановилась его группа, и бросился вперед, обходя охрану префектуры с тыла.

Когда охранник попытался остановить его, выставив винтовку со штыком, Гонелла ухватил его по-медвежьи. Почти моментально на мраморной лестнице образовался клубок из восьми борющихся пар. В этот момент через входные двери во главе своего отряда ворвался Бонелли с пистолетом в руке.

Не теряя ни минуты, Бонелли помчался по лестнице к кабинету префекта. Направив на него пистолет, приказал:

– Звоните в Рим – в министерство внутренних дел. Префект позвонил, и Бонелли взял трубку.

– Все ли в порядке? – услышал он голос помощника министра.

Для Бонелли это был звездный час, когда он, широко ухмыляясь, произнес:

– Лучше быть не может. Говорит начальник местных вооруженных сил фашистов – мы только что заняли префектуру Генуи.

– Арнальдо, – обратился Бенито Муссолини к своему брату, – возьми себя в руки. Нам надо быть готовыми к выпуску специального номера газеты.

Арнальдо, казалось, его не слышал. В этот полдень, когда Бенито показал ему только что полученную телеграмму от генерала Читтадини, он тяжело опустился в кресло и снял свое пенсне. Затем снова надел его и вышел из комнаты, шатаясь как пьяный.

Телеграмма содержала как раз то, чего так ожидал Муссолини: «Его величество король просит вас прибыть по возможности быстрее в Рим, так как желает поручить вам формирование правительства».

Как он и предполагал, редакторская статья в газете сделала свое дело. К тому же захват префектуры в Генуе показал, что даже в городах, не очень-то поддерживавших фашистов, чернорубашечники были в состоянии силой взять власть в свои руки.

Сейчас же, в восемь часов вечера, он инструктировал Арнальдо по вопросу выпуска газеты на понедельник, готовясь к собственному «маршу на Рим». В 8.30 вечера он выехал экспрессом ДД-17, шедшим из Милана в Рим, в вагоне первого класса.

Мальчишки-продавцы газет в эту дождливую ночь сновали по улицам города. Когда Муссолини с пятью сподвижниками из своей свиты прибыл на Центральный вокзал, он остановился, чтобы прислушаться и осмотреться. В их криках ему слышалось приближение своего триумфа: «Кабинет Факты распущен. Муссолини вызван к королю».

Около вагона его ожидали машинист локомотива и кочегар в черных рубашках с военными медалями на груди, чтобы выразить свое почтение.

Идя к поезду глубоко засунув руки в карманы своего серого дождевика и нахлобучив на глаза шляпу, он представлял себе, как все изменится после его прихода к власти: люди будут вырывать газеты из рук друг друга, тысячные толпы запрудят все улицы, для встречи будет выстроен почетный караул, апартаменты завалены цветами.

Вместо прощальных слов провожавшим он распорядился: еще до рассвета сжечь редакцию социалистической газеты «Аванти», где когда-то работал сам. Он опасался, что она может призвать к генеральной забастовке и тем самым смазать его триумф.

Когда поезд тронулся в путь, Муссолини долго стоял у коридорного окна, посылая воздушные поцелуи.

Триумф нарастал и ночью. Муссолини сообщил журналисту туринской «Ла Stampa», что в составе его будущего кабинета министров предусмотрены пятнадцать нефашистских представителей из общего числа тридцати. В Пьяченце, Пизе и Карарре продолжался бум. Войска возвращались в казармы, а в Чивитавеккью король даже выслал две автомашины на тот случай, если связь оказалась бы нарушенной.

Когда поезд подходил к Риму, в 10.50 утра Муссолини увидел в небе три серебристые черточки, кружившие подобно соколам: это фашистские летчики из Центоселли проделывали фигуры высшего пилотажа в его честь.

Из вагона он вышел со слегка осунувшимся лицом, так как всю ночь не спал. Одежда его представляла собой своеобразную визитную карточку: черная рубашка, утренний пиджак, черные брюки, на голове котелок, на ногах белые гетры, припудренные тальком, прикрывавшие поношенные ботинки.

В 11.45 он вошел в комнату приемов на первом этаже дворца.

В течение дня мимо его порталов пройдут шестьдесят тысяч фашистов, отмечая свою победу. Подойдя к королю, Муссолини, никогда не отказывавшийся от театральных поз, произнес с пафосом:

– Прошу извинения за свой вид, ваше величество, я прибыл прямо с поля боя.

Глава 2

«День, когда будет трепетать вся Италия...»

Июль 1883 года – октябрь 1922 года

Тридцать девять бурных лет отделяли день появления на свет сына кузнеца в Предапшио, что в Романии, от дня его появления в комнате приемов дворца Квиринале. Бенито Муссолини родился 29 июля 1883 года на железной кровати, изготовленной его отцом. С первых же часов своего бытия он относился к окружавшему его миру как к врагу. Целых три года, несмотря на все старания родителей, он не говорил. Только специалист уха, горла и носа из ближайшего населенного пункта Форли немного успокоил их, заверив:

– Это пройдет. Я уверен, когда подойдет время, он будет даже говорить слишком много.

Хотя семья Муссолини была дружной, в ней процветала схизма, что отражалось в их художественных пристрастиях. Над двухспальной кроватью его мать, двадцатипятилетняя Роза, деревенская школьная учительница, повесила символ католицизма – изображение Девы Марии. Почти рядом с ней, как бы для баланса, ее муж Алессандро повесил портрет своего почитаемого героя – освободителя Сицилии, республиканца генерала Джузеппе Гарибальди.

Грузный, темноволосый и неглупый Алессандро, согласившийся на церковное бракосочетание, тем не менее говорил друзьям, что остается атеистом. Главный смысл жизни он видел в международном социализме. За свои левые убеждения и деятельность он находился под постоянным надзором полиции, отсидев шесть месяцев в тюрьме, так что даже на поездку в Форли – менее двадцати километров – ему потребовалось специальное разрешение. И все же своего первенца он назвал Бенито в честь мексиканского революционера Бенито Хуареса, совершившего казнь императора Максимилиана.

Кузница, в которой он иногда работал в большом кожаном переднике, пока отец обсуждал политические вопросы со своими закадычными друзьями, оказывала на Бенито поляризующее воздействие. Спрятанный в подвале в железном ящике красный запрещенный флаг из сатиновой материи, флаг партии, извлекался один раз в году на Первое мая и переходил из рук в руки.

Хотя его мать хотела, чтобы он стал священником, Бенито усматривал в борьбе отца с властями, которую он вел всю свою жизнь, более важную деятельность. Своей сестре Эдвиге, бывшей моложе его на пять лет, он однажды сказал:

– Имея столь большое число молящихся, мы все равно попадем в рай, если даже никогда в своей жизни не встанем на колени.

Отец учил его другим ценностям. Когда однажды во время жатвы соседний мальчишка, бывший старше его, украл у Бенито деревянную игрушечную тележку с орехами да еще и поколотил за протест, Бенито со слезами побежал к отцу с жалобой, но тот ответил ему:

– Мужчина обязан уметь защищаться, а не искать сострадания. Не приходи ко мне, пока не побьешь его.

Кипя от злости, Бенито немного обтесал камень, сжал его в кулаке и набросился на обидчика, избив того до крови и заставив попросить прощения.

Поступок его был понятен для местных жителей. Бесплодные, полупустынные земли, поднимающиеся на склоны Апеннин, способствовали тому, что люди там становились независимыми, агрессивными, коренастыми и широкоплечими, привыкшими к нужде. Одна пара обуви для отца и сына была обычным явлением. Также естественным был обычай брать в долг хлеб, масло и соль у соседей, положение у которых было немного лучше. На каменистой земле не росли даже деревья – то единственное, что могло идти на топку крестьянам. Поэтому там широкое хождение имела поговорка: «Если хочешь согреться, прыгай!»

Семья Муссолини была бедной, как и большинство соседей. Несмотря на то что Роза получала, как учительница, постоянную зарплату, доход семьи редко превышал 100 лир в месяц. К тому же кузнец нередко ссужал своих товарищей-социалистов небольшими суммами денег. В трехкомнатной квартире Бенито со своим младшим братом Арнальдо располагались на соломенном тюфяке в комнате, служившей кухней. На обед они ели обычно хлеб, выпеченный не на дрожжах, и овощной суп, разливаемый отцом из большой терракотовой супницы. На ужин готовился салат. Только по воскресеньям семья, состоявшая из шести человек, включая мать Розы – Марианну, разрешала себе угощение в виде супа с бараниной (кусок мяса на всех был весом не более полукилограмма).

Алессандро пророчил сыну большое будущее, Роза была значительно скромнее. Достигнув восьмилетнего возраста, Бенито превратился в бродячего воришку, скитавшегося по окрестностям и чаще встречавшегося с уличными собаками, чем с людьми. Он мог часами сидеть верхом на старой деревенской лошади, направляя ее в довольно быструю речушку Рабби, возвращаясь домой лишь с наступлением сумерек.

Когда мать, заботясь о его душе, брала Бенито с собой в церковь Сан Кассиано, построенную еще в девятом веке, он начинал озорничать и щипать своих соседей-ребятишек, за что его выставляли из церкви. Тогда, набрав желудей и маленьких камешков, он забирался на ближайшее дерево, откуда бросался ими в хористок и даже священнослужителей.

Однажды, наевшись украденной вишни, он упал посреди дороги будто бы в агонии. Из рта его текла красная слюна, похожая на кровь. Когда вокруг него собралась толпа, обсуждавшая, что с ним могло случиться, он вскочил, обрызгал нескольких человек вишневым соком и убежал. В другой раз, увидев, как старик Филиппино что-то копал лопатой и даже вспотел, Бенито отобрал ее у него и молча, не говоря ни слова, продолжал копать долгое время. Старик же сидел, посасывая свою трубку.

Когда он во главе группы ребятишек отправился воровать айву, дело едва не окончилось трагедией, поскольку разозлившийся фермер выстрелил по ним из охотничьего ружья. От испуга один из мальчишек упал с дерева и повредил ногу. Бенито и не подумал бежать, подобно другим. Глядя на фермера с полным пренебрежением, он поднял парнишку, положил его, как мешок, на плечи и отнес в безопасное место.

Его энергия, неистовство и предприимчивость стали легендарными. Один из деревенских стариков, Маттео Помпиноли, вызвался засечь быстроту его бега вокруг блока домов. Когда он с секундомером в руке определил две минуты, Бенито возразил:

– Две минуты? Так долго я не мог бежать.

Уже в восьмилетнем возрасте он бегал как паровоз, стараясь быть во всем лучшим. Хотя Бенито и был старше своего брата на два года, только благодаря влиянию Арнальдо он не совершил никаких серьезных проступков.

Муж Розы придерживался антиклерикализма, но последнее слово всегда оставалось за ней. И делала она это мягко, но твердо и упрямо. Когда Бенито уже в девятилетнем возрасте пришел домой поздно и с синяками под обоими глазами, она решила отправить его в церковную школу-интернат в Фаэнцу, находящуюся на расстоянии около сорока километров от дома. Довольно скоро он возвратился назад с пальцами правой руки обмотанными бинтами, так как налетел на каменную стену, прыгнув на своего противника-мальчишку.

Через несколько дней отец повез его в школу на повозке, запряженной ослами, по пыльной дороге, шедшей между желтеющими осенними полями. За время шестичасовой поездки он наставлял сына:

– Слушай внимательно то, чему там тебя будут учить, в особенности географию и историю, но не давай им забивать тебе голову всякой ерундой о Боге и святых.

Девятилетний сорванец ответил ему конфиденциально:

– Не беспокойся, отец, я знаю, что никакого Бога нет.

Годы учебы в этой школе Бенито вспоминал потом как самые безотрадные в своей жизни. Уже тогда его возмущала существовавшая система разделения учеников на три категории в зависимости от благосостояния родителей. Сам он относился конечно же к представителям третьей категории, место которых было на задних партах.

– Меня не удовлетворяло не столько то, что в хлебе учеников третьей категории часто попадались муравьи и мухи, сколько само разделение нас по рангам, – сказал Бенито по прошествии нескольких лет.

С этого момента и до конца своей жизни Бенито Муссолини оставался человеком, стремившимся освободиться от горечи детских лет.

В то же время он испытывал постоянную ностальгию по детству: по оливково-зеленому чижу, щебетавшему в клетке у кухонного окна; по виноградным гроздьям, свисавшим с лозы на небольшом приусадебном участке; по повозкам, скрипящим по стерне во время уборки урожая; по звону колокольчиков на шеях коров.

Будучи в состоянии аффекта от постоянных унижений, испытываемых им в положении ученика третьей категории, он как-то бросил чернильницу в преподавателя. И только слезы матери остановили директора интерната от исключения Бенито из школы.

Чтобы утихомирить мятежный дух мальчишки, священники назначили ему наказание – стояние на коленях на кукурузных зернах, рассыпанных на полу, по четыре часа в день в течение двенадцати суток. Если он попросит прощение, директор обещал сократить срок наказания. Но хотя его колени кровоточили на десятый день, Бенито молча выдержал все до конца, так и не попросив снисхождения.

Мятежный дух Муссолини сломлен не был. За очередную провинность он должен был спать в загоне вместе со сторожевой собакой, а та вырвала клочок его брюк. Следующим его наказанием явилось стояние в одиночку лицом к стене в дальнем углу игровой площадки. Летом 1894 года за удар перочинным ножом одного из соучеников в ягодицу он был выгнан из школы.

Уже в одиннадцать лет Бенито имел мужской характер, и у него выработалась черта быть во что бы то ни стало первым. Однажды во время летних каникул мать услышала поток ругательств из соседней комнаты. Заглянув туда озабоченно, она увидела сына, стоявшего лицом к стене и произносившего речь. На ее вопрос, не сошел ли он с ума, он успокоил ее, сказав, что тренируется произносить речи, готовясь к тому дню, «когда вся Италия будет трепетать от его слов».

Взяв как-то по подсказке отца истрепанный томик «Отверженных», он усмотрел в борьбе Жана Вальжана с Парижем параллель со своим противостоянием в одиночку священникам, мелочным и ограниченным бюрократам и капиталистам. Старые люди в окрестностях Предаппио долго вспоминали, как Бенито зачитывал отрывки из книги где-нибудь в хлеву при дрожащем свете фонаря крестьянам с всклокоченными бородами в коричневых плюсовых куртках и широкополых шляпах, а звонкий мальчишеский голос то звенел, то затихал, восхищая свою первую аудиторию.

В форлимпольском колледже второй ступени, находившемся в пятнадцати километрах от его деревни, Бенито держался смело и дерзко. Во время принятия пищи ученикам часто выдавали твердый как камень хлеб. Все покорно молчали, Муссолини же сказал в лицо ректору:

– С нами обращаются хуже, чем в приюте для нищих.

Когда тот сбежал, мальчишки повскакали со своих мест и устроили гвалт, бросаясь кусками хлеба в голову эконома. Бенито успокоил их, прыгнув на стол.

– Прекратите, – скомандовал он, повелительно вскинув руки. – Бросаться хлебом значит оскорблять пищу бедняков!

Когда о случившемся доложили мэру, который попробовал кусок того самого хлеба, Муссолини был оправдан.

С этого момента он постоянно находился в центре внимания. На подростковых сельских танцах ему однажды наскучил медленный вальс, навевавший сон, он призвал к тишине и, выскочив на танцевальную площадку, соло изобразил романьольский стиль вальса с ножом в зубах. Временами он уходил от собравшихся на какое-нибудь скучное мероприятие ребят и уединялся на церковной колокольне, где читал Бакунина, Золя, Горького – истории о людях, попадавших в неблагоприятные условия.

Один из прежних его соучеников, Рино Алессио, часто повторял:

– Он и тогда был лидером среди мальчишек.

Когда он, немного повзрослев, попал однажды в дешевый публичный дом «Форли», то отплевывался потом, заявив:

– Чувствовал я себя там как в грязи – подобно подвыпившему мужику.

Однако появившаяся у него тяга к женщинам, которая с тех пор его не покидала, засела в нем как вирус. И он поделился с Алессио своими впечатлениями:

– Теперь я мысленно раздеваю каждую девушку, которая попадаете мне на глаза.

У него началась длинная серия ничтожных амурных дел – под деревьями, на лестничных клетках, на скамьях у реки Рабби.

Вместе с тем он стал вести себя так, будто бы различные правила и постановления предназначены только для других. Однажды, получив задание написать сочинение на тему «Время – деньги», он ушел из класса, оставив на столе преподавателя записку: «Время – деньги, поэтому я пошел готовиться к завтрашнему экзамену по геометрии. Думаю, что это логично?»

Хотя его выходка повлекла за собой запрещение посещать колледж в течение десяти дней, она подняла его авторитет среди мальчишек.

Для Алессандро Муссолини 8 июля 1901 года было праздничным днем, который он поместил на настенном деревянном календаре, что было обычным делом для местных крестьян, отмечавших праздники и дни отдыха: наконец-то Бенито возвратился домой со школьным аттестатом в кармане.

Сам он считал, что теперь настало время для больших дел. Мать же, приложившая все усилия к тому, чтобы он мог стать так называемым «белым воротничком», предложила ему подать заявление на вакантную должность коммунального писца. Без всякого интереса Бенито согласился. В ожидании решения вопроса он стал отмерять километры от дому до публичной библиотеки, где часами сидел за книгами, а под вечер возвращался назад с большим черным зонтом в руках.

Учитывая репутацию отца, имевшего постоянные стычки со священниками, муниципалитет отказал Бенито в приеме на работу.

Алессандро, нанесший визит мэру и руководству муниципалитета, подогревшись предварительно местным вином, заявил им:

– Вы еще пожалеете, что отказали в работе моему сыну. И запомните: даже Христос не мог найти работу в своей деревне.

Сыну же отец сказал:

– Тебе не место в нашей деревне, мальчик. Иди в большой мир и завоюй там подобающее тебе положение.

Бенито с удовольствием последовал бы совету отца, но смог пока выехать лишь в городишко Суалтиери, находившийся в двухстах километрах от их деревни в провинции Реггия Эмилия, где была вакансия школьного учителя с окладом двенадцать шиллингов в неделю. Мэр и директор школы согласились на предоставление ему этой должности. Однако уже скоро они стали смотреть искоса на поведение молодого учителя, проводившего все свое свободное время в прокуренной траттории в политических спорах.

Лишь немногие горожане желали видеть у себя в качестве гостя человека, умывающегося на рассвете почти полуголым в реке По и затем идущего босиком вдоль железной дороги,

вскинув ботинки на палке через плечо, как это делают бродяги, несущие свои пожитки. А ведь так в целях экономии поступали крестьяне в его округе. Иногда после ночной пьянки он укладывался спать прямо на полу в местной сапожной мастерской, предпочитая не идти в жилище, снимаемое им у синьоры Паниццы.

Летом 1902 года произошло то, что предсказывали его коллеги-учителя: он не был переутвержден в должности. И он снова вспомнил слова отца: «Иди в большой мир и завоей там подходящее тебе положение».

Сообщив родителям о своем решении, он купил за сорок пять лир билет на поезд и уехал в Швейцарию.

Утром 9 июля 1902 года Муссолини отправился на железнодорожную станцию вместе со своим близким другом Цезарем Граделлой. За ними шла служанка синьоры Паниццы, неся картонку с новой парой обуви, недавно приобретенной Бенито. Когда подошел пармский поезд, он обнял обоих и сел в вагон. Не успел, однако, поезд набрать скорость, как он импульсивно бросил им свою покупку и крикнул, стараясь перекрыть лязг колес:

– Пусть это будет мой сувенир для вас. Успех Муссолини не зависит от пары ботинок.

К исходу первых же десяти дней Бенито даже пожалел о своем импульсивном поступке, так как единственные его ботинки почти совсем развалились. Он испытывал голод, съев сразу же прихваченные яблоки и печеную картошку. В кармане у него было всего 2 франка и 35 сантимов. Работу он смог найти в местечке Орбе и то только в качестве каменщика по 32 сантима за час при одиннадцатичасовом рабочем дне. При этом ему приходилось 121 раз за день поднимать на второй этаж строящегося здания тачку, доверху наполненную кирпичом.

В субботу 19 июля он вынужден был прекратить эту работу, поскольку руки у него были в мозолях и кровоточили. Работодатель буквально швырнул ему 20 франков, крикнув, что деньги эти все равно что у него украдены.

Купив крепкие горные ботинки, Муссолини направился в Лозанну. Из металла в его кармане был только никелевый медальон с изображением Карла Маркса. Впервые ему пришлось голодать, и с тех пор на всю его жизнь у него сохранилась ненависть к богатым. Несколько раз он прямо-таки хватал, подобно животному, куски хлеба с крестьянского стола. Спал же он под мостом. Попытался было пристроиться в церковную благотворительную столовую для бродяг и нищих, но и там перед девятнадцатилетним парнем дверь была закрыта.

С горечью впоследствии Муссолини вспоминал: «Голод – хороший учитель, не хуже тюрьмы и врагов».

И в тюрьме он там отсидел, а по выходе из нее случайно встретил в лозаннском кафе «Торлаши» группу итальянских социалистов, каменщиков, имевших непостоянную работу. Они включили нового товарища в состав своей группы, а через четыре месяца избрали секретарем Итальянского профсоюза каменщиков. С присущей ему рисовкой он стал подписывать свои письма – «Бенито Муссолини, каменщик».

Во время демонстраций и забастовочных митингов он впервые ощутил свою власть над массами и способность играть их чувствами и настроениями, подобно опытному арфисту. Кто-то из рабочих сказал ему однажды:

– Ты наносишь удары кулаками в воздух, будто бы пытаешься разрушить невидимую стену между собой и аудиторией.

Настоящий социалист, а он был уверен, что стал им благодаря отцу, должен был быть, как считал он тогда, анархистом, атеистом, человеком, выступающим против короля, милитаризма и правительства.

Его инстинкт на жесты, электризирующие толпу, был безошибочным. Выступая однажды на публичных дебатах с лозаннским священником о реальности Бога, Муссолини, достав из кармана дешевые никелированные часы, заявил:

– Сейчас времени 3 часа 30 минут. Если Бог существует, я даю ему пять минут, чтобы поразить меня.

Поскольку земля под ним не разверзлась и не ударила молния, собравшиеся ответили аплодисментами на его богохульство. Одобрительный рев толпы стал для него такой же потребностью, как и горячие объятия русских и польских девушек – эмигранток, с которыми он проводил жаркие ночи. Издающаяся на итальянском языке газета «Трибуна» назвала его одним из крупнейших «дуче» (лидеров) итальянских социалистов.

Дружившая с ним Анжелика Балабанова, тридцатитрехлетняя полная русская блондинка, зарабатывавшая на жизнь в качестве переводчицы, была неплохим социалистическим агитатором. В комнате, которую она снимала, они проводили долгие вечера за самоваром, беседуя и куря одну сигарету за другой. Но вскоре она заметила такую черту его характера, как постоянное беспокойство и волнение. К тому же она поняла, что ненависть к угнетению происходила у него не от любви к людям, а от собственного восприятия жизни – чувства униженного достоинства и крушения надежд, страсти отстаивать собственное «я».

Хотя Муссолини и пользовался авторитетом у безграмотных каменщиков, даже ближайшее окружение его не признавало. Он ходил в сильно поношенных ботинках, и ему явно не хватало знаний. Швейцарская полиция ему не доверяла и даже слегка побаивалась – он дважды арестовывался и высылался из страны, но опять возвращался. Однако найти какую-либо другую работу, кроме как в качестве обслуживающего персонала, он не мог. Свой хлеб насущный зарабатывал даже гадая на картах. Приходилось ему работать и в качестве посыльного в мясной лавке, и у виноторговца. Он был и ассистентом скульптора, и протирщиком стекол, и заводским рабочим. По ночам изучал французский и немецкий языки, держа для обогрева свои ноги в ящике с опилками.

Для Анжелики его постоянные разговоры о силе и физической отваге являлись своеобразной компенсацией его собственной слабости – отсутствия личного признания и престижа. Месяцами она говорила сама себе, что не права в его оценке, но день, когда Муссолини отправился обедать вместе с ее подругой Марией Риджер, школьной учительницей, подтвердил ее самые худшие подозрения.

– В течение долгих лет он был болен, испытывая чувство собственной неполноценности, – сказала она Марии, пытаясь оправдать поведение Бенито.

Поэтому та, ставя перед ним макароны, заметила с некоторым сарказмом:

– Вероятно, вы бы предпочли курицу или трюфеля, но мы же – пролетариат.

– А почему бы и нет? – взорвался Муссолини. – Перед тем как я пришел сюда, я прочитал ресторанное меню в гостинице. Знали бы вы, что только едят и пьют эти свиньи.

– Но если вам представится возможность жить как эти люди, вы скоро забудете о народе, – горячо возразила Мария.

Бенито гневно посмотрел на нее искоса своими черными глазами, воскликнув:

– Отсюда я уеду поездом в вагоне третьего класса и буду питаться скудной и дешевой пищей. Святая Мадонна, как же я ненавижу богатых! Почему я должен терпеть эту несправедливость? Как еще долго нам остается ждать?

Если бы Муссолини знал ответ на этот вопрос, его амбиции заметно поубавились бы. Пройдет целых десять лет с тех пор, как он в ноябре 1904 года навсегда покинет Швейцарию, прежде чем его имя появится на устах итальянцев.

Когда он был солдатом 10-го пехотного Берзаглиерского полка, известного медленным, неторопливым шагом и зеленым плюмажем из перьев, свисавшим с круглых головных уборов, слава его как чемпиона по прыжкам в высоту не выходила за казарменную территорию в Вероне. Будучи постоянно нуждающимся второстепенным учителем (получавшим 2 фунта стерлингов в месяц) в Тол меццо – городке в горах северо-восточной части фриульского округа, он был отмечен как мастер удерживать своих учеников от беспорядков путем подхалимажа.

Не в силах контролировать сорок пострелов своего класса, он начинал занятия с раздачи сладостей из бумажного кулька.

За его карьерой внимательно следили лишь чиновники полицейского департамента. При этом заведенное на него досье еще до возвращения из Швейцарии в 1904 году пухло с каждым годом. В нем, в частности, отмечалась его деятельность в качестве распространителя социалистических печатных изданий типа «Ла Лима», а о характере было сказано как о «импульсивном и вспыльчивом». В полиции его считали человеком, способным к нападкам как на католиков, так и на христиан, относящимся к национальному флагу как к «тряпке, которую следует вывешивать на навозной куче», и обзывавшим отечество «чудовищем, угодным Христу, тираническим, жестоким и карательным».

Когда в феврале 1909 года Муссолини выехал в небольшой городок Тренто в Австрии в качестве редактора газеты «Л'Авенир», туда последовало предписание: «За ним требуется наблюдение». И тамошняя полиция следовала ему неукоснительно. Будучи выслан из страны «за подстрекательские действия против властей» в конце сентября того же года, он успел отсидеть там шесть раз в тюрьме. Документы у него изымались одиннадцать раз.

Возвратившись назад, Бенито стал на некоторое время компаньоном своего отца, сделавшегося хозяином винной лавочки в Виа Маззини. Когда четыре года назад умерла Роза от менингита в возрасте сорока шести лет, Алессандро продал свое хозяйство, женился по неписаному закону на Анне Гуиди и открыл эту лавочку. В баре ему помогала дочь Анны, хорошенькая девятнадцатилетняя блондинка Рашель.

Скромная деревенская девушка, привыкшая к сельскому труду, она знала Бенито, когда ей было еще всего семь лет, боясь и восхищаясь им.

Флиртуя с Рашель, он сказал, что женится на ней по возвращении из Тренто. Она только рассмеялась, ибо знала, что социалисты, совершающие церковное бракосочетание и крестящие своих детей, обычно исключаются из партии.

В октябре 1909 года Бенито приехал в дом ее сестры Пины, где находилась Рашель (неподалеку от Сан-Мар-тино), и сказал той:

– Я хочу, чтобы Рашель стала матерью моих детей, но поторопи ее. У меня мало времени.

Рашель настолько быстро собрала свои вещички в узелок, что не успела даже причесать волосы. Она знала его деспотический характер по тому случаю, когда она на сельских танцах пошла танцевать с другими парнями, а он по дороге домой в повозке, не говоря ни слова, ущипнул ей до синяков руку.

Спустившись по лестнице, она присоединилась к нему и шла без зонта под дождем около трех километров до Форли, сказав лишь:

– Мы – как два бедных чертенка. Даже собаки лают на нас.

В гражданском браке сына Алессандро усмотрел нарушение закона жизни, к тому же, зная собственную судьбу, здраво предупредил его:

– Оставь лучше девушку в покое – подумай, сколько всего пришлось пережить твоей матери из-за меня. Твоя политическая деятельность принесет только страдания тебе и женщине, которая разделит твою судьбу.

Достав револьвер, Бенито ответил:

– В нем шесть патронов, один для Рашель и пять – для меня.

Обескураженные Алессандро и Анна вынуждены были дать свое согласие. Получив в качестве приданого сборную мебель и кое-что из неновой посуды, молодые сняли небольшую квартиру в Форли напротив здания суда.

Двадцатишестилетний Бенито развернул на этой базе весьма амбициозную деятельность – он принялся за реорганизацию федерации социалистов в Форли и приступил к выпуску четырехстраничной еженедельной газеты «Ла Лотта ди классе» («Классовая борьба»), тираж которой не превышал 350 экземпляров. Рабочее место Муссолини – заведующего, редактора,

репортера и корректора – находилось за столом, отделенным от жилой комнаты его квартирке пыльным занавесом.

Получая 5 фунтов стерлингов в месяц, половина из которых шла на уплату аренды помещения, Муссолини приходилось нелегко. Да и кроме своей издательской деятельности ему надо было заниматься партийными делами, поскольку он стал одним из основных ораторов и агитаторов во всей округе. В поисках голосов будущих избирателей ему случалось иногда проходить в день свыше пятидесяти километров, навещаясь в хлевы, сараи и амбары фермеров. В этих походах его, как правило, сопровождал девятнадцатилетний поклонник и последователь Пьетро Ненни.

Бедность преследовала Муссолини на каждом шагу, и он, чтобы немного подработать, становился даже продавцом газет, сидя в киоске Дамерини, когда тот уходил на обед, за что получал кусочек ветчины. 1 сентября 1910 года, когда родилась его дочь Эдда, у него было всего пятнадцать лир в кармане, на которые он купил дешевенькую деревянную люльку, которую принес домой на собственных плечах. Отдельные совещания с коллегами ему приходилось проводить в своем жилище, сидя на кровати. Рашель часто стирала его единственные брюки, дабы он выглядел более или менее прилично, просушивая их в соседней пекарне.

Кроме политики, его почти ничто не интересовало. Когда директор местного театра предлагал ему бесплатные места для прессы, он часто отказывался. Исходя из собственных амбиций, он сидел только на балконе вместе с простым народом, считая себя его частицей. Главную его гордость составляла скрипка, приобретенная им с рук и висевшая на гвозде над кроватью. Бенито упросил профессора Архимеда Монтанелли давать ему уроки музыки, и, хотя тот заявлял, что ученик уже стар, чтобы овладеть искусством скрипача, он старательно исполнял все предписанное, зачастую режа слух какофонией звуков, пытаясь овладеть игровой техникой.

Будучи трезвенником и предпочитая в качестве напитков молоко и кофе, он иногда заказывал спиртное, что служило для его товарищей свидетельством наличия у него каких-то неприятностей или забот. Однажды, сильно перебрав спиртного, он заявился домой в 5 часов утра и проспал девять часов. Когда же проснулся, оказалось, что он перебил в доме почти всю посуду – вазу, супницу и тарелки.

– Если ты хоть еще раз придешь домой в таком виде, я убью тебя, – пригрозила ему Рашель.

Второго такого предупреждения Муссолини не потребовалось. Подобно герою какой-то мелодрамы, он поклялся головою дочери, что спиртное более в рот не возьмет, и сдержал свое слово.

Особенности его характера проявлялись иногда довольно драматично. Однажды, когда цена на молоко подскочила, он отправился в городскую администрацию и заявил мэру:

– Либо цена на молоко будет установлена на прежнем уровне, либо я посоветую местным жителям повесить вас вместе с городскими «шишками» на балконе.

Цена на молоко была тут же снижена.

Темп жизни все увеличивался, и у Муссолини не оставалось времени ни на что другое, кроме действий. Книги он не читал, а лишь просматривал, посоветовав еще в Тренто своему коллеге-социалисту:

– Девяти страниц в книге вполне достаточно, чтобы понять ее содержание, – первые три, последние три и три в середине.

Считая, что революции и социальные изменения могут быть осуществлены только насильно, он читал лишь писателей, говоривших о насилии, – Джорджа Сореля и Фридриха Ницше. Довольно часто он приводил в замешательство «умеренных» в партии своими призывами к экстремизму.

– Надо жить с риском, – заявил он на конференции социалистической партии в 1910 году. Все последующие тридцать пять лет его жизни были связаны со смертью и насилием.

Империалистическая война Италии против Турции в 1911 году, когда основные боевые действия развернулись в Триполи, предоставила Муссолини шанс, которого он ждал.

– Прежде чем покорять Триполи, итальянцы должны завоевать Италию, – писал он в «Ла Лотта». – Надо подвести воду в высохшую Пуглию, установить справедливость на юге страны и дать повсеместное образование. Все – на улицы, начнем генеральную забастовку!

Последовавшие события приняли кровавый характер. Когда забастовщики, ведомые Муссолини и Ненни, стали разбирать железнодорожные пути, чтобы воспрепятствовать подвозу войск, против них была использована кавалерия. Введением военного положения правительство подавило забастовку. Муссолини был арестован и предстал перед судом, обвиненный в «подстрекательстве к правонарушениям». Однако он превратил зал судебного заседания в театр, а скамью подсудимых в сцену.

– Если вы меня оправдаете, – заявил он судьям, – то доставите мне удовольствие. Если же осудите, то окажете мне честь.

И такая «честь» ему была оказана. Приговор гласил: один год тюремного заключения. Срок был потом сокращен до пяти месяцев, которые он провел в камере номер 39 форлийской тюрьмы.

Хотя мало кто слышал его имя за пределами сорокакилометрового радиуса от Форли, Муссолини мечтал о лучшей судьбе. В своем дневнике в тот период времени он записал: «У меня неумный и горячий темперамент. Что из меня получится?»

Что из него получилось, не смог предугадать никто, даже Алессандро, умерший в возрасте пятидесяти семи лет за несколько месяцев до его прихода к власти. Через девять месяцев после выхода из тюрьмы он, которого стали звать дуче итальянских социалистов, был избран в состав Национального исполнительного комитета социалистической партии и перешел на работу в миланскую газету «Аванти» с окладом 500 лир в месяц.

1 декабря 1912 года, оставив Рашель и Эдду в Форли, он перебрался в Милан в качестве заместителя главного редактора газеты. Вскоре его смелые статьи увеличили ее тираж с 28 до 100 тысяч экземпляров. В возрасте еще до тридцати лет он становится известным в стране человеком – не без помощи нападок журналистов, своих конкурентов. Их статьи он хранил в отдельном ящике стола, называя журналистов «оплаченным кем-то рабочим инструментом», «подобострастными пресмыкающимися», «параноиками», «литературными поденщиками» и даже «уголовно помешанными».

В Милане его навестила Анжелика Балабанова.

– Ну вот видишь, – сказал он ей, – как русские относятся к Маринетти?

Анжелика покачала головой, услышав, что лидер авангардистско-футуристического направления Филиппо Маринетти находился с визитом в Москве. Муссолини, буквально сияя, пояснил:

– Как только он появляется на сцене и начинает читать свои лекции, в аудитории начинаются крики, свист, и в него летят помидоры. Как я ему завидую. Мне хотелось бы быть на его месте...

24 ноября 1914 года эта мечта Муссолини исполнилась. Когда он шел вдоль длинного прохода миланского театра «Пополо», то ему пришлось инстинктивно нагнуть голову от неистово размахивавших кулаков. Сквозь гвалт голосов до него донеслись возгласы: «Кто за это платит?»

Не успел он тогда подняться на сцену, как к его ногам полетели мелкие монеты, а какая-то женщина громко крикнула:

– Иуда, вот твои кровавые деньги!

И тут же ее голос был перекрыт возгласами трех тысяч делегатов-социалистов:

– Кончай! Предатель! Убийца! Затем снова послышалось:

– Кто за это платит?

Бледный, не брившийся три дня и с сухостью во рту Муссолини посмотрел на председательствующего Джацинто Менотти Серрати, ища его поддержки.

– Товарищи! – обратился к залу Серрати. – Дайте ему сказать!

Но его слова потонули в гвалте и шуме.

В тот холодный вечер миланские социалисты не были настроены на разумные дебаты. И хотя один из поддерживавших его социалистов попробовал призвать собравшихся к благоразумию, не успел Муссолини открыть рот, как началось скандирование:

– Громче, громче! Говори яснее!

Вообще-то неистовство было и понятно. 29 июля, за пять дней до начала Первой мировой войны, Муссолини вместе с другими членами исполкома подписал антивоенный манифест Итальянской социалистической партии, в котором клеймилась любая попытка втянуть Италию в милитаристский, капиталистический конфликт. Даже если правительство объявит войну, социалисты были намерены бойкотировать это решение. Невероятно, но 18 октября, находясь один в редакции «Аванти», Муссолини вдруг напечатал статью, призывавшую партию к поддержке вступления Италии в войну.

За этим последовало то, что и должно было случиться. За девять дней до упомянутого митинга в театре «Пополо», когда партийные лидеры решали вопрос о судьбе Муссолини, на улицах города появилась неизвестная до тех пор газета «Иль Пополо д'Италия». Редакционная статья в ней была прямо направлена против Муссолини, подчеркивая два положения: «У кого есть сталь, у того есть и хлеб» и «Революция – идея, основанная на штыках». Газета была распродана в течение часа.

Муссолини должен был объяснить своим товарищам, почему он столь быстро изменил свою позицию, но его старания были тщетными. К ногам его продолжали дождем сыпаться мелкие монеты. В зале нарастали гвалт, шум, крики и свист.

– Если вы считаете меня недостойным... – слабо прозвучал его голос.

В ответ раздалось многоголосое: «Да». Однако обвиняемый стремился стать судьей, бросив предупреждающе:

– Я буду беспощаден к тем, кто не желает открыто высказать свое мнение в этот трагический час.

Внезапно схватив со стола стакан, он поднял его вверх и сжал с такой силой, что тот лопнул и рассыпался. По щеке Бенито потекла кровь. С неистовством он крикнул:

– Вы ненавидите меня, потому что еще любите!

Затем, бледный и дрожа от ярости, он направился в боковой выход. Те, кто находился неподалеку, услышали, как он с зубовным скрежетом произнес:

– Вы еще меня узнаете.

Через шестьдесят дней после начала войны он порвал все связи с социалистами, придя к выводу, что Италия должна принять участие в войне.

С точки зрения профессии это означало для него самоубийство. Положение усугубило и то обстоятельство, что Рашель вместе с дочерью и матерью приехала в Милан. Так что ему пришлось искать квартиру для всей семьи. Но за аренду помещения платить теперь было нечем, не было денег и на пищу и одежду. Придя после митинга в театре домой, он рассказал Рашель об истинном положении дел.

Решение его имело своеобразную логику. Ведь нейтралитет Италии означал бы пассивное наблюдение за развитием событий, что никак не увязывалось с его темпераментом. К тому же для амбициозных политиков война предоставляла обширное поле деятельности. Издатель газеты «Иль Ресто дель Карлино» Филиппо Нальди из Болоньи представлял интересы крупных землевладельцев. И он предложил Муссолини организовать выпуск газеты по вопросам посредничества, согласившись дать ему займы первоначальный капитал. Будучи всю свою

жизнь безразличным к деньгам, Бенито усмотрел в этом шанс на получение определенной власти и завоевание престижа.

Арендовав несколько мансардных комнат в доме номер 35 по улице Паоло да Каннобио, он начал свой бизнес, имея из мебели только стол, стул и полдюжины оранжевого цвета ящиков. Над дверью красовалась надпись со свойственным ему юмором: «Если вы войдете, то окажете мне честь, если же нет, то сделаете мне любезность».

Через пять дней после исключения его из организации миланских социалистов исполком на своем заседании в Болонье ратифицировал их решение, и Муссолини был исключен из партии.

Вся эта история стоила ему нескольких бессонных ночей.

В марте 1915 года, подняв тираж «Иль Пополо» до ста тысяч экземпляров, он получил новую поддержку. Озабоченные тем, чтобы Италия вступила в войну на стороне союзников, французские правительственные эмиссары выплатили ему субсидию в размере пятнадцати тысяч франков через Чарльза Дюма, секретаря департамента военной пропаганды. Затем последовали регулярные выплаты по десять тысяч франков. Через других французских агентов, одним из которых был Жюльен Люшар, сотрудник Миланского французского института, Бенито получил пожертвования в сумме тридцати тысяч лир.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.